

Молодежь Эстонии
г. Таллин

Одним из первых спектаклей, оформленных художницей Марианной Куурме на сцене Государственного русского драматического театра ЭССР, была «Расплата» по острой и беспощадной в своей социальной повести В. Тендрякова.

Мечется по сцене Колька Карякин, мальчишка еще, столько успевший хлебнуть к неполным своим пятнадцати годам. Мечется, колотится о громадные, непробиваемые двери, поблескивающие холодным металлическим блеском. И не может достучаться. До людей достучаться не может. Потому что за одной дверью его ждет духовная нищета пьянства, за другой — предательство друзей... Третья, четвертая, восьмая... И гремит выстрел.

Выстрел-протест. Выстрел-приговор. Выстрел-расплата.

Оформление спектакля было подчеркнуто лаконичным. Крохотный пятючок впереди, тот замкнутый круг, с которого не сойти, не вырваться, — и система дверей, глухой стеной отгораживающих героя от другого мира и другой жизни, где много счастья и много добра.

А рядом в творчестве Куурме — совсем иные работы. Иные по тональности, мироощущению, праздничные по самой своей сути. Уже немало лет идут на сцене Русского театра поставленные Светланой Красман «Крокодил без хвоста» и «Храбрый портняжка». И тот, и другой давно перешагнули порог юбилейного, сорокового представ-

К этому трудно привыкнуть. Еще труднее объяснить, как это происходит. Еще секунду назад коробка сцены была пуста в призрачном свете «дежурки». Но вот что-то подняли, опустили, закрепили, натянули задник с нарисованными на нем башнями тридцатого царства-государства — и ожила сцена, задышала. И все теперь уместно: высокие слова, которых мы так стесняемся в жизни, безоглядные порывы, поступки, которые так хотелось бы совершить. Жизнь не часто повторяет происходящее на сцене. Ее сюжеты проще...

ления, оказавшись по душе юным зрителям не только в Таллине, но и во многих городах, куда приводили театр дальние гастрольные дороги.

Однажды известный сказочник Е. Шварц, написавший «Золушку» и «Дракона», сказал в «Обыкновенном чуде»: «Сказка называется не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во весь голос, во всю силу то, что думаешь». Этот принцип и стал основой «сказочного» творчества Куурме. Ничего лишнего, только то, что запомнится и даст толчок воображению. И вот уже зашуршали кусты-ширмы в «Храбром портняжке», трансформируясь то в королевский парк, то в лужайку перед дворцом, то в лес непроходимый, пристанище чистых Великанов. И вот уже закачался на облаке, как на качелях, Пустомеля в «Крокодиле без хвоста», и ожили черепичные крыши стокогонных домов в «Малыше и Карлсоне».

Стихия игры, головокружительность и радость театрального «надувательства» буквально пронизали ставшие классическими детские стихи Маршака про Человека Рассеянного и Даму, сдававшую багаж, и Мистера-Твистера. Под Новый год все они получили «вид на жительство» в Русском театре. Ни артисты, ни музыканты, ни художник не скрывают от нас серьезной несерьезности своих намерений, и кажется — еще секунда-другая, — закружится карусель на заднем плане и при желании можно будет домчатся на ней до собственного детства, где все было так ясно и понятно.

Совсем в иной цветовой и световой гамме была решена художницей вторая часть этого молодежного спектакля — рок-опера А. Недзвецкого «Веселые нищие», по-

Месяц театра

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО СПЕКТАКЛЯ

ставленная А. Цукерманом по стихам шотландца Р. Бернса. Веселье? Не скажите, какое уж тут веселье, когда столько зла вокруг и несправедливости? И все-таки — веселье! Какие бы невзгоды ни выпадали на долю простого человека, в нем всегда живет надежда.

Жанр рок-оперы, предполагающий выверенность музыкальной формы и ритмического строя, а значит, и видеоряда, ставил перед Куурме достаточно сложные задачи. С одной стороны, в оформлении и костюмах требовалось добиться определенной стилизации, с другой — нельзя было забывать, что речь идет о Шотландии XVIII века. И снова главной стала точно найденная деталь — пивная бочка, мундир пропахшего порохом вояки, шутовской колпак. Но костюм требовалось не только придумать, но и сделать для актера удобным, ибо парадокс порой заключается в том, что зрителю внешний вид героя нравится, а сам артист не может говорить о костюме без дрожи в голосе: неудобен он ему — и все тут. И здесь художнику необходимо добиться полного взаимопонимания «договаривающихся сторон». Но как это нелегко порой. Театральный художник, считает Марианна, должен сочетать в себе многие качества. И экономистом он должен быть, прикидывая, как выдать недорогую ткань за нарядную, и инженером, умеющим построить на сцене конструкцию декорации, и психологом. Последнее — самое сложное. Актер ведь уверен, что придуманный им самим костюм идеален. И при этом иногда, мягко говоря, ошибается. Переубедить — целая наука.

— Мне повезло, — пошутила однажды Куурме, — мое детство пришлось еще

на дотелевизионную эпоху. Главным и единственным для нас был театр...

Тартуское художественное училище, в котором она училась, располагалось совсем рядом с «Ванемуйне», с его операми, балетами, спектаклями гастролеров. Все было тогда молодо — начинали свой путь Тооминг и Хермакюла, ставил свои первые балеты Виллимаа. Не от случая к случаю, не редкой гостью, а полноправной хозяйкой жила тогда на сцене классика.

Дипломной работой Марианны в художественном училище стали театральные афиши. Много она их нарисовала тогда — к «Кармен», «Риголетто», «Лебединому озеру». Наверное, сделанное в то время трудно было назвать «крещением» классикой. Но встреча с ней состоялась, стала памятной, неслучайной.

Позже, в пору учебы на театральном отделении кафедры живописи Таллинского художественного института, Куурме оформила в Раквереском театре спектакль по произведениям А.-Х. Таммсааре, поставленный Райво Трассем. Летними вечерами шел он под открытым небом в усадьбе Варгмаэ, где разместился Дом-музей писателя. Зрители сходились на представления со всей округи, приезжали на автобусах из других районов. От художника в этой необычной постановке требовалось воссоздать атмосферу эстонской деревни на переломе двух столетий: точно увиденная деталь, точно найденный костюм. Не тогда ли узнала Марианна цену единственно верному штриху?

Для спектакля в Варгмаэ на Раквереском хлебном комбинате по специальному заказу выпекали огромные караваи. Наливали в большие кувшины кислое молоко. Выпускали «на сцену»

настоящую кошку. Несколько лет жил он, был снят для телевидения.

Руководимый М.-Л. Кюла курс театральных художников учился параллельно с последним, знаменитым седьмым, как его называли, актерско-режиссерским выпуском В. Пансо в Таллинской консерватории. На этом курсе занимались хорошо известные ныне А.-Э. Керге, Ю. Крюков, С. Луйк, Л. Петерсон... Нередко пансовцы и студенты-художники встречались в совместной работе. Один из учебных спектаклей — «Сватовство» А. Кицберга, поставленный Керге и оформленный Куурме, удался настолько, что был целиком перенесен на сцену ТАТ имени В. Кингисеппа, где игрался не один сезон. А для диплома Марианна выбрала все-таки классику, шиллеровскую «Марию Стюарт».

Если большинство театральных работ Куурме, при всей своей яркости и красочности, тяготеет все-таки к графике, к разреженному сценическому пространству, где детали и костюм уже сами по себе — знак, метафора, то «Счастье мое...» в этом ряду стоит несколько особняком. Вместе с Ю. Ереминым, главным режиссером Центрального театра Советской Армии, поставившим пьесу А. Червинского в Таллине, они искали не просто образ спектакля, но образ времени, послевоенного, неслого, противоречивого. «Счастье мое» — самая, пожалуй, подробная работа художницы. Она строит на сцене непривычный для себя павильон — темное закопченное дерево, — заполняет его множеством предметов: комнатной пальмой, официальными портретами, наглядными пособиями, нехитрой мебелью. Мир вещей в этом спектакле намеренно приземлен, костюмы героев подчеркнуто прозаичны. Но мечта-то о счастье поселилась именно здесь, и понимаешь уже, как нелегко ей тут живется...

Не так часто удается Марианне просто порисовать. Вслед за недавней «Игрой с кошкой» И. Эркена — «Веселые нищие», затем предложение оформить спектакль в Раквере. Хватает, в общем, забот. Но если найдется «окошко» — она отдает его акварели. Портретам, которые так любит писать. Почему именно портретам? Потому что на свете нет ничего интереснее человека.

Виталий АНДРЕЕВ.